

*Смерть. Письмо любви
к моим родителям*

Это история человека, падающего с пятидесятого этажа.
Пролетая мимо очередного этажа, он повторяет мантру,
успокаивая себя:
Пока все хорошо...
Пока все хорошо...
Пока все хорошо...
Но самое главное — не падение, а приземление.

Матье Кассовиц. Ненависть

ЛЮДИ И МЕСТА В РОМАНЕ

ЛЮДИ

Уборщики на местах преступлений:

Иви Ян: девушка из Мяоли, живущая в Юньхэ, уборщица, которую арестовывают за убийство Джиджи Чан и которой чувствительное обоняние помогает найти убийцу (убийц)

Чун Кайи, босс: основатель компании «Следующая остановка», занимающейся уборкой на местах преступлений (или самоубийств)

Пол Тсоу: бухгалтер в «Следующей остановке», лучший друг Чун Кайи

Андре: долговязый коллега Иви

Твиг: застенчивый коллега Иви

Ширли: еще одна коллега Иви, с которой та конфликтует

Консультанты Иви:

Кэндис Фан: парфюмер

Ховард Хсу: адвокат и бывший парень Иви

Чэн Чуньчинь, он же Тройной Че: знаменитый серийный убийца и наставник Иви

Следователи:

Чэнь Минчи: молодой детектив, напарник Ляо

Ляо Шифэн: полицейский средних лет, лейтенант, напарник Чэня

Дорогие покойники:

Ханс Ян: младший брат Иви, мальчик из Мяоли, который умер у себя дома

Уэйн Чэн: юноша из Чанхуа, который умер у себя в квартире в Ваньлуне

Джиджи Чан: девушка из Юлиня, которая умерла у себя в квартире в Чжунхэ

МЕСТА

Районы Тайбэя:

Нэйху: в нескольких милях к северу от других районов и южных пригородов, северный пригород, где находится офис Кэндис Фан

Ваньлун: район, где Уэйн Чэн снимал квартиру, к востоку от Юньхэ, через реку Цзинмэй

Ваньхуа на китайском или Бангка на тайваньском: неблагополучный район, где живет Чэн Чуньчнь, к северу от Юньхэ, через реку Цзинмэй

Южные пригороды Тайбэя,

технически районы Нового Тайбэя:

Юньхэ: к западу от реки Цзинмэй, на другом берегу от «Следующей остановки», где Иви Ян и Ховард Хсу снимают квартиры

Чжунхэ: дальше за Юньхэ к западу, где снимала квартиру Джиджи Чан

Южные города:

Мяоли: небольшой город в центральном Тайване, где родилась Иви Ян

Чанхуа: город еще меньше и еще южнее, где родился Уйэн Чэн

Юньлинь: город еще меньше и еще южнее, где родилась Джиджи Чан

ЧАСТЬ I

УБОРКА

ПРОЛОГ

— Киты, — сказал ты.

Я посмотрел на море, но ничего не увидел.

— Отсюда их не разглядишь. — Мне пришлось повисить голос, чтобы перекричать ветер.

Плы расстроился, и я не знал, как тебя утешить. Поэтому просто стоял рядом на берегу. Перед нами было море, а за нашими спинами — поле цветущих мискантусов¹. Новый порыв ветра пронесся по морю и всколыхнул траву. Он просвистел у меня в ушах, цапнул щеку, едва не сбив с ног. «Пусть дует», — подумал я.

— Идем, — сказал ты.

«Куда?»

Я не спросил этого вслух, просто глядел, как ты снимаешь обувь и скользишь по каменной стенке, а потом перебираешься через бетонный тетрапод. Магаешь по песку, стараясь сильнее впечатывать в него стопы, словно хочешь, чтобы песок проник в твою кожу.

Я спешу за тобой, пытаюсь идти по твоим следам. Следы мягкие и влажные, песок едва слышно поскрипывает, когда я наступаю на него, и это похоже на отголосок

¹ Мискантус — род многолетних травянистых растений.

моря в раковине. Я не сразу понимаю, что ты идешь не по прямой. Ты по дуге забираешь к кромке воды.

Без колебаний шагаешь в море. Говоришь, что оно общается на языке песка и волн, словами, которые рассыпаются в брызги, стоит им прозвучать. Человеку никогда не понять их.

Волны бьются о твои ноги, заставляя пошатываться. Капли морской воды смешиваются с каплями пота на твоей шее и сверкают под солнцем. Ветер пахнет солью, и кажется, будто все оттенки серого в мире задышали вдруг живыми красками.

Но я решаюсь только намочить ступни. Когда ледяная вода касается их, отскакиваю на песок. Слишком холодно. Песок липнет к моим пальцам.

Волна набегает и отступает: только что ты был на самом краю моря, а теперь посреди него, словно всегда являлся его частью. Разбитый, но целый — вот каким ты мне кажешься. Я могу распознавать твои чувства, но не более того. Так прибой обнимает лодку, но не может ее удержать. Одной любви недостаточно.

— Куда отправляются люди после смерти? — спросил ты в один сумрачный вечер, когда нам нечем было заняться и когда единственными, с кем мы могли поговорить, были мы сами. Стоило тебе открыть рот, как слова хлынули потоком, будто прорвало дамбу на море, и оно пролилось кровью, или будто ты был на километр под водой, и воздух, вырывающийся у тебя изо рта, булькал, устремляясь кверху.

Я не ответил.

Многие люди верят в карму, и, если она существует, возможно, есть дневник вроде этого, а может, письмо, лежащее где-нибудь в потайном отделении письменного стола или платяного шкафа. Станешь ли

КЭТНИСС СЯО

ты думать обо мне в этом будущем? О том, через что мы вместе прошли? О тех днях бездумного, головокружительного наслаждения и о ветре по ночам?

Если да, то ты, наверное, поймешь, как я грустил в тот день, когда принял решение убить тебя.

Когда понял, что из-за тебя у меня есть о чем плакать.

1

Иви Ян распахнула глаза только для того, чтобы понять: веки — единственная часть тела, которой она может пошевелить осознанно. После ночи на боку спина онемела, а ноги и руки были как парализованные. Она прерывисто задышала. Когда ей удалось перекатиться на спину, ощущение стало таким, будто на нее навалилось что-то громоздкое и липкое, засасывающее в себя, дюйм за дюймом: позвоночник, грудную клетку, соски. Медленно и неуклонно нечто затягивало ее в глубины древнего океана.

Казалось, что вода хочет ее поглотить. Иви сопротивлялась изо всех сил. От усилий легкие запекло. По коже пробежал холодок. Страх наполнил каждую клеточку тела, до самого костного мозга.

В комнате был другой человек.

Туманная фигура стояла в углу. Женщина. Иви захотелось закричать, закрыть глаза, но ничего не получилось. Она была словно труп — только в сознании. По крайней мере, так она описала это чувство врачу, который кивнул и ответил своим обычным: «Не беспокойтесь, скоро вам станет лучше. Уже становится. Просто расслабьтесь». Потом выписал рецепт и вежливо, хоть и немного поспешно, попросил медсестру записать Иви на следующий прием.

Фигура уставилась на дрожащую Иви, тело которой отказывалось подчиняться мысленным приказам. Девушка заставила себя сосредоточиться, сконцентрироваться на гортани, попытаться издать хоть какой-то звук. Ощувив, как затрепетали крошечные мышцы в глотке, она сумела испустить стон — словно старик на смертном одре.

«Ну же, Иви, давай! — выкрикнула она про себя. — Просыпайся!»

Фигура заморгала, но начала приближаться.

От нее пахло углем.

Сквозняк пробился в щель между створкой и оконной рамой, пошевелив бежевую портьеру. Свет зимнего полудня пробился сквозь ткань и упал на часы возле кровати, на циферблате которых красовалась трещина и не хватало секундной стрелки. Если потрясти часы, было слышно, как она позвякивает внутри.

Время превращалось в игрушку у нее в руках.

Реальность постепенно обретала форму. Время и пространство возвращали свое значение, дополняя друг друга. Они переплетались со всем, существовавшим под солнцем. Иви мигнула — раз, потом другой. Кровь побежала по венам, и она смогла медленно пошевелить затекшими пальцами, запястьями, руками — будто к ней возвращалась телесная память. Поднесла ладони к глазам и осмотрела их, словно видела впервые. Разглядывала их жадно и одновременно пугливо, как если б только они доказывали, что она действительно существует.

С трудом попыталась сесть, как ребенок, который только осваивает эту науку. Надо было заново учиться всему на свете.

Иви сделала осторожный вдох. Как обычно, он отозвался острой болью.

Сердце отчаянно колотилось в груди. Пыталось вырваться наружу и напомнить владелице, что она еще жива. Трясущимися руками Иви схватила часы, чтобы узнать, сколько времени.

— Сейчас одиннадцать тридцать семь, утро, — заговорила девушка нараспев, — и я только что проснулась. Я в постели, у себя дома. Меня зовут Иви Ян.

Она сделала глубокий вдох.

Судорожные припадки учащались — и продолжались с каждым разом все дольше. Тем не менее каждый был столь же ужасен, как самый первый. Иви отставила часы, сбросила с себя одеяло и опустила ноги на пол. Он вполне мог быть из сухого льда: плитка безжалостно обжигала холодом.

«Чертова зима...»

Ноябрь на севере Тайваня был серым, сырым и пронизывающе студеным, нагоняющим тоску, как всегда.

«Проклятье!»

Она не могла отыскать тапочки. Ногами разбрасывая смятые носовые платки, пластмассовые контейнеры и груды одежды, прокладывала себе путь в ванную. Хрустнули в упаковке «Спайси Читос», к подошве прилипла сырная крошка. Иви отряхнула ее и оглядела комнату в поисках заколки для волос, похожей на зуб акулы.

Посмотрев на себя в зеркало, она поняла, что ноябрь в Тайбэе — не единственное унылое зрелище.

Ее глаза были красными, а мешки под ними — почти синими. На лице читалась предельная усталость. Слизистая отзывалась жжением при каждом вздохе. Иви расчесала сыпь на шее до крови и теперь сковырнула подсохшую болячку. Потерла виски, и с них хлопьями посыпались частички кожи. Ей всего двадцать восемь, а кожа уже ни к черту.

У нее были высокие скулы и точеные черты — без единой плавной или округлой линии. Но в этой остроте таилась странная красота. За последние несколько лет Иви превратила себя в поджарого шакала, без единого грамма жира. Некогда просто худые, ее щеки теперь запали. Термобелье, некогда облегавшее тело, висело. Не-высокая, метр шестьдесят, и стройная; из тех, кого не заметишь в толпе. И тем не менее с какой-то внутренней свирепостью, как у опытного хищника.

Ополоснув лицо горячей водой, девушка наконец почувствовала себя прежней. Будто в ванне выдернули пробку или прочистили трубу.

Мокрые волосы прилипли к щекам и к шее за ушами, поэтому Иви автоматическим жестом подхватила с вешалки полотенце и промокнула их. Дрожа, пробежала в комнату, чтобы набросить куртку, валявшуюся на диване, себе на плечи. И только тут заметила, что оставила телевизор включенным.

«...Как только молодые косатки набираются достаточно сил, чтобы сопротивляться прибою, они начинают учиться охоте. Сперва тренируются на водорослях. Но хотя водоросли качаются с волнами, они не могут уплыть, спасаясь от нападения, поэтому вскоре молодняк переключается на живую добычу. — Рассказчик с поставленным голосом сделал паузу для пущего эффекта. — Такой, например, как эта морская корова, устроившаяся на пляже слишком близко к воде. Косатки стаей подходят к берегу и ждут — словно серферы, ловящие волну. С волной они выбрасываются на пляж, стараясь схватить морскую корову и утащить за собой...»

Им удалось ее ухватить. Но пока еще не убить.

Морская корова поплыла в открытый океан, и стая молодняка окружила ее, преследуя.

«Узнай свою добычу. — Иви как будто услышала шепот косатки. — Изведай течения и глубины. Выиграй время. Не дай себя отвлечь».

Ей захотелось остановить море, не дать ему излиться в ее комнату, но она не смогла отыскать пульт от телевизора под грудой одежды на диване. По крайней мере, ей удалось выловить мобильный из щели между подушкой и подлокотником.

«...Косатки — это жестокие и умные хищники, охотящиеся стаей. Они убивают даже своих, если те представляют угрозу для их семьи». Море пульсировало у нее внутри, вместе с кровью. «Но даже самые безжалостные убийцы могут испытывать скорбь. Недавно на острове Ванкувер в Канаде люди стали очевидцами того, как самка косатки по кличке Талекуа, что на языке чероки означает “достаточно двух”, несколько дней носила на спине тело своего мертвого детеныша...»

Иви поежилась и потеряла нос. Телефон завибрировал. Из глубин экрана всплыло лицо Ховарда Хсу. Она сбросила звонок и скользнула по ледяному полу на кухню.

На столе валялось с десяток стеклянных бутылок. Гудели фруктовые мошки, привлеченные остатками белой жидкости на дне одной из них, которую она забыла сполоснуть. В миске лежала *манту* — паровая булочка, — выгладевшая напрочь засохшей. И бог с ней. Иви подняла крышку кастрюли на плите. Внутри было нечто липкое, невнятное. Возможно, остатки мисо-супа — теперь уже